

На перекрёстке недалеко от ночного рынка стоял большой грузовик. На кузове толпилось несколько крепких мужчин, окруживших машину плотным кольцом. Даже если у кого-то в толпе и возникали нечистые мысли поживиться за чужой счёт, подступиться было совершенно некуда. Вокруг грузовика толпа зевак стояла в три слоя изнутри и в три снаружи, едва ли не полностью перекрывая весь перекрёсток.

У обочины также стояло несколько полицейских мотоциклов, а несколько стражей порядка в форме поддерживали порядок. Когда собирается столько народу, малейшая искра легко может привести к беспорядкам.

Взгляд А Чана тут же прилип к петухам и курицам в клетках на грузовике и уже не мог оторваться. С виду они были очень похожи на тех птиц, только намного крупнее. Наверное, в них столько мяса!

— Живые куры! Живые куры! Петух — за три цзиня кукурузной муки! Несушка — за четыре цзиня кукурузной муки! — во всю мочь надрывался один из крепких мужиков в кузове.

Однако толпа зевак вокруг оставалась совершенно равнодушной. Люди лишь вытягивали шеи, глаза по сторонам, и, похоже, вовсе не собирались ничего покупать.

Глядя на каждого крупного и жирного петуха и курицу в клетках, А Чан невольно облизнулся, а в его глазах, казалось, загорелся голодный зеленоватый свет.— Пойдём, возвращаемся.

Насмотревшись достаточно, они решили не двигаться дальше — в толпе было слишком тесно, а с трёхколёсной тележкой передвигаться неудобно, поэтому Цю Чэн больше не планировал идти вглубь.

А Чан тоже не стал возражать: раз Цю Чэн сказал возвращаться, он послушно пошёл рядом с ним в обратном направлении, при этом то и дело оглядывался, явно не желая уходить.

— Живые куры! Куриные яйца! Два кукурузных лепёшки за одно яйцо! — снова закричал кто-то неподалёку.

Цю Чэн остановился. Он повернулся и посмотрел на А Чана, а тот уставился на него в ответ.

— Присмотри за тележкой, я схожу посмотрю, — Цю Чэн передал трёхколёску А Чану, повернулся и зашагал обратно. В два счёта протиснувшись сквозь толпу, он быстро добрался до самого её центра.

На свободной площадке возле грузовика были свалены пустые клетки, а ближе к кабине стояла большая корзина с куриными яйцами, которые с обеих сторон охраняли двое крепких мужчин.

— У вас из этих яиц цыплята вылупятся? — протиснувшись вперёд, спросил Цю Чэн у одного из

высоких и мощных парней.

— Какие-то вылупятся, какие-то нет. Если нужны, я могу поискать, — суровый с виду мужчина заговорил на удивление открыто и дружелюбно, широко улыбнувшись и обнажив ряд белых зубов.

— Будьте добры, выберите мне парочку, — заметив доброжелательный настрой собеседника, Цю Чэн тоже улыбнулся в ответ. Честно говоря, если у вас нет наседки и вы сами совершенно неопытны, то вряд ли сможете их высидеть. Крепкий мужчина говорил это, присев на корточки, и помогал Цю Чэну отбирать яйца. Он взял одно куриное яйцо и принялся внимательно разглядывать его на просвет под фонарным столбом.

А почему вы не продаете цыплят? — между делом спросил Цю Чэн.

Цыплята слишком слабые, они не выдержат дороги, да и к тому же мы на этот раз ездим только по крупным городам, там мало кто станет их покупать. Собеседник покачал головой, опустил выбранное яйцо обратно и вытащил из корзины другое, чтобы снова посветить на него под фонарем...

Тем временем радость и предвкушение А Чана по мере того, как шло время, быстро развеялись от ночного городского ветра. Он остался один-одинешенек сторожить трехколесный велосипед, вокруг снували толпы людей, а силуэта Цю Чэна всё не было и не было.

А Чан в упор вглядывался в ту сторону, где скрылся Цю Чэн. Там кишели мужчины и женщины, старики и дети: высокие и низкие, с длинными волосами и короткими, в желтой одежде и в красной. Столько людей! Смотря на эту толпу, А Чан вдруг почувствовал себя совершенно растерянным. Если он потеряет Цю Чэна в таком столпотворении, как же ему тогда найти его?

Чего стоишь как истукан? — в этот момент рядом с ним неожиданно раздался знакомый голос.

Цю Чэн! — это был первый раз, когда А Чан назвал Цю Чэна по имени.

Чего тебе? — спросил он. Только что он купил яйца, а поскольку боялся, что в такой толчее эти два яйца могут раздавить, он обошел скопление народа и вышел с другой стороны, где людей было поменьше.

А Чан покачал головой и широко улыбнулся. Как он мог забыть? Ведь этого человека зовут Цю Чэн. Раз он знает его имя, то как он может потеряться?

Держи. Цю Чэн достал из кармана два яйца и протянул ему. Сначала высидишь цыплят, а когда они вырастут, сможешь поесть жареной курицы.

А Чан счастливо принял оба яйца и бережно зажал их в ладонях.

Садись в тележку. С этими словами Цю Чэн оседлал трехколесный велосипед.

Старый, потрепанный трехколесный велосипед медленно отъехал от перекрестка. На нем лежали печь, несколько деревянных досок и сидел А Чан. Позади них остался полный кузов живых кур и множество зевак-горожан. Снаружи было не разглядеть толком, что у людей на уме, но если бы кто-то посмотрел изнутри наружу, то сразу бы понял, с какими именно

взглядами эти люди смотрят на тот грузовик с живой птицей.

На обратном пути настроение у Цю Чэна было тяжелым. Всего мгновение назад, стоя в самом центре толпы и глядя на те пары глаз, в которых мерцали тоска, вожделение и жадность, он никак не мог заставить себя почувствовать себя радостно. А Чан при этом был ужасно доволен. Он устроился на борту тележки и бережно прижимал к груди те два яйца, словно они были для него всем миром.

Хотя и существовал Массив Сбора Духов, в деле разведения живности у Цю Чэна по-прежнему не было никаких особых преимуществ. Поэтому с самого начала он особо и не рассчитывал, что из этих яиц действительно вылупятся цыплята, и тем более не думал, что в будущем они смогут нестись и дать потомство.

Он купил их исключительно ради того, чтобы порадовать А Чана — ведь без помощи А Чана Цю Чэн ни за что не смог бы в столь короткие сроки приобрести квартиру номер 1501.

Вернувшись в жилой комплекс Цзяюань, Цю Чэн поставил трёхколёсный велосипед в гараж, подхватил рюкзак, и вместе с А Чаном они поднялись на четырнадцатый этаж. К тому моменту, как они оказались дома, та нехитрая еда, что они съели накануне вечером перед выходом, практически полностью переварилась.

— Гур-р-р-р... — протяжно заурчало в животе у А Чана.

— Сейчас что-нибудь сообразим поесть, — сказал Цю Чэн, чиркнув спичкой и зажёл печь. Налив в котелок больше половины воды, он велел А Чану следить за огнём, а сам поднялся на пятнадцатый этаж. Сначала он подкормил жидким удобрением картофель, затем проверил несколько коз и подбросил им свежей травы.

Когда он спустился вниз, вода в котелке уже вовсю кипела. Цю Чэн сначала наполнил водой чайник, после чего сорвал с террасы несколько листьев пекинской капусты, разломал их на мелкие кусочки и бросил в кипяток. Туда же он раскрошил кукурузную лепёшку, щедро сдобрил всё это пряностями, которые использовал для запекания воробьёв, а когда варево было готово, добавил мелко нарезанный зелёный лук.

Похлёбка из лепёшки пахла еще куда ни шло, но на вкус оказалась так себе — ни капли жира, какая уж тут отменная еда.

Наевшись досыта, Цю Чэн вымыл посуду и котелок, снова полил удобрениями посадки на террасе, ополоснул руки и лицо и приступил к ежедневной медитации.

Цю Чэн занимался культивацией не так уж долго, и серьезных изменений в теле пока не наблюдалось. Если и сравнивать с прошлым, то самым заметным было то, что он стал намного бодрее, выносливее, а его реакции — куда острее и быстрее.

Судя по «Записям о культивации древесины», в настоящий момент он всё ещё находился на этапе Сбора Ци и закалки тела, оставаясь обычным смертным из плоти и крови. Если он хотел обрести более долгую жизнь, ему непременно нужно было достичь хотя бы ступени Закладки Основания.

Путь от Сбора Ци до Закладки Основания занимал у кого несколько месяцев, а у кого и пару лет. Если же природные задатки оказывались слишком слабыми или метод — неверным, можно было так и не постичь тайну за всю свою жизнь, и тогда к моменту смертного часа все прежние старания пошли бы прахом.

Цю Чэн сел, скрестив ноги, сложив руки в жесте пяти сердец, обращенных к небу, а А Чан свернулся калачиком рядом, задремав. Прищурившись по-кошачьи и положив подбородок на одеяло, он выглядел глубоко уснувшим.

Как только Цю Чэн погрузился в медитацию, А Чан тут же медленно приоткрыл глаза. Он уже уловил закономерность: стоило Цю Чэну войти в состояние транса, как его аура слегка менялась. Обычному человеку заметить эти перемены было почти невозможно, но А Чан чувствовал их отчетливо.

Сперва А Чан немного переполз, устраиваясь поудобнее, а затем передвинул и те два яйца, снова спрятав их под своим животом. Плотно прижавшись к Цю Чэну и вдыхая исходивший от него запах, он почувствовал себя совершенно счастливым, и навалившаяся дремота постепенно сморила его...

— ! — Неизвестно, сколько прошло времени, но А Чан внезапно широко распахнул глаза. Он бросил полный остатков сна взгляд на Цю Чэна и, убедившись, что тот всё ещё медитирует, успокоенно зелнул, перекатал яйца под животом и продолжил дремать.

Когда Цю Чэн вышел из медитации, то увидел, что А Чан сладко спит, прижавшись к его боку. Будить его он не стал — просто прилёг рядом и заснул.

Проснувшись на следующее утро, Цю Чэн обнаружил в крысиной клетке в гостиной новое прибавление из целого выводка малышей, а одежда А Чана, валявшаяся на полу, была испачкана грязью — судя по всему, на этот раз он знатно разорил чью-то нору.

На рассвете Цю Чэн, как обычно, отправился к реке за водой. Едва он принёс домой четвертое коромысло, как со стороны улицы донёсся грохот — приехала цистерна с водой.

Поскольку в их районе ещё не провели водопровод, каждые два дня сюда наведывалась водовозка, доставляя жителям воду для бытовых нужд. Как только она прибывала, жильцы высыпали наружу с ведрами и тазами. Услышав знакомый звук, Цю Чэн снова подхватил пустые ведра и спустился во двор занимать очередь. Время стоянки водовозки у них в квартале не было строго фиксированным — она уезжала только тогда, когда за водой больше никто не приходил.

Когда Цю Чэн добрался до места, в очереди уже стояло человек семь-восемь. Он пристроился в хвосте, держа в руках коромысло с двумя ведрами.

Впереди раздавался лишь шум льющейся воды, а в самой очереди царила тишина: хоть все они жили в одном квартале, соседи почти не общались друг с другом.

— Ты ведь тот парень, что живёт на четырнадцатом этаже? — неожиданно сзади к Цю Чэну обратился какой-то старик. На вид ему было около шестидесяти, слегка суховатый, но выглядевший вполне здоровым и бодрым, одетый аккуратно. Подойдя, он бесцеремонно хлопнул Цю Чэна по плечу. — Это я. — Цю Чэн слегка кивнул.

— Некоторое время назад я столкнулся в лифте с одной женщиной: глаза большие, подбородок острый, на вид лет двадцать семь-восемь. Она ведь к тебе ходила? — снова спросил старик.

— И что с того? — Цю Чэн чуть нахмурился.

— Да ничего особенного. Только за этот месяц я встречал её уже много раз, — крайне недовольно произнес старик. — До конца месяца еще больше половины, а лифты в нашем доме уже отключили. Сейчас повсюду экономят электричество, а твой этаж и так высокий мало того, что сам туда-сюда мотаешься, так ещё целыми днями то одного ищешь, то другого...

— В следующем месяце я буду внимательнее. — Заметив, что собеседник явно входит во вкус и собирается читать нотации дальше, Цю Чэн прервал его на полуслове. Подумав о том, что старому человеку и вправду нелегко подниматься и спускаться по лестнице, он решил в следующем месяце реже пользоваться лифтом.

— Тц, впереди ещё больше половины месяца, а сейчас лифтами уже никто не может пользоваться. Вещи-то общие, тут сознательность нужна. Нельзя сказать, что кто больше пользуется, тот в выигрыше. Воспитанность как раз в такие моменты и проявляется. Слышал, ты квартиру покупать собрался? Раз есть такие деньги, почему бы не жить в другом месте, зачем обязательно на четырнадцатом этаже оставаться, почему бы не переехать... — старик и впрямь разошёлся не на шутку.

— На каком этаже вы живете? — Цю Чэн в очередной раз оборвал его. Иногда он просто терпеть не мог таких стариков: им вечно кажется, что правы только они, а все остальные ошибаются, они раздувают из мухи слона из-за любой мелочи и думают лишь о том, как бы самим высказаться да отвести душу, ни капли не заботясь о чувствах окружающих.

— На третьем, — старик задрал подбородок, словно заявляя, что раз он живет на третьем, то и лифтом туда-сюда почти не пользуется.

— А вы знаете, что в Новом городе Бие есть высотка, тоже больше десятка этажей, так там выше шестого вообще никто не живет, и в итоге лифт им даже не включают? — Цю Чэн скривил губы и продолжил.

— Не включают? — старик соображал медленно и, казалось, не сразу всё понял.

— То есть им не выделяют квоту, лифтом не пользуются от и до целый месяц, понимаете? — еще раз объяснил Цю Чэн.

Этот старик упрекал Цю Чэна и остальных в том, что они слишком часто пользуются лифтом,

потому что теперь ему самому лень каждый день карабкаться по лестнице. И ведь ни капли не задумывался о том, что он-то живет всего лишь на третьем этаже, в то время как Цю Чэн с товарищами — на четырнадцатом! Поднимаясь и опускаясь каждый день, старик почему-то ни разу не додумался пойти пожаловаться жителям нижних этажей и предложить им раз уж у них такая низкая высота, то и вовсе не садиться в лифт — в конце концов, лифты в городе запускали именно ради удобства жильцов верхних этажей.

Конечно, предъявлять такие требования было бы несколько неразумно, и в том, что Цю Чэну и его спутникам приходится ежедневно штурмовать лестницы, винить было некого, кроме разве что тяжелых времен и слишком скудных ежемесячных лимитов от городских властей.

Услышав слова Цю Чэна, старик умолк. На самом деле он всё ещё был не согласен: если рассуждать так, что ж теперь, жителям нижних этажей вообще лифтом не пользоваться? Но лифт — это общедомовое имущество, кто хочет, тот и едет, кто сможет запретить?

Однако, заметив отчетливое выражение нетерпения на лице молодого человека, старик немного оробел. Подумав про себя: «Небось отморозок какой, скажу еще пару слов, он разозлится, да и бросится бить или убивать. Тц, с виду хам неотесанный, лучше держаться от него подальше».

Цю Чэн тоже не собирался гадать, что там ворчит себе под нос старик. Пока они разговаривали, подошла его очередь: как только фляга стоявшего впереди человека заполнилась, Цю Чэн придвинул свои два ведра.

Втащив коромысло с водой на пятнадцатый этаж, Цю Чэн выглянул в окно и, заметив, что цистерна с водой внизу еще не уехала, решил спуститься за еще одной ходкой. Иногда городские водовозки ради жильцов, у которых дома днем никого не оставалось, приезжали ближе к вечеру, но в те часы Цю Чэн с остальными уже отправлялись на рынок торговать, так что времени на это не хватало.

По дороге вниз Цю Чэн встретил нескольких соседей, которые тоже тащили по лестнице ведра и фляги — лучше всего масштаб заселенности их дома понимался именно в такие моменты.

Среди бела дня большинство молодых людей уходило на заработки, поэтому на лестнице попадались в основном старики да детвора лет десяти. Силенок у этих людей от природы не хватало, тащить ведра по ступеням давалось им с огромным трудом. Шагая вниз и оглядываясь по сторонам, Цю Чэн невольно вздохнул про себя: у него-то здоровье крепкое, так что в следующем месяце надо бы поменьше пользоваться лифтом.

Добравшись до лестничной площадки между третьим и вторым этажами, Цю Чэн увидел мальчика лет шести-семи, который с трудом тащил наверх большую квадратную пластиковую флягу с водой белого цвета. Ребенок делал шаг, останавливался и ступенька за ступенькой волочил тяжелый сосуд за собой.

— На каком этаже живешь? — Цю Чэн остановился.

— На девятом. — Мальчик исподлобья глянул на него и снова принялся тянуть флягу.

— Чего это родители тебя сегодня дома не заперли? — с улыбкой спросил Цю Чэн, вспомнив, как Старый Ли рассказывал ему, что кто-то в их доме запирает детей одних, из-за чего дверь не открыть и он сам не может зайти проверить проводку.

— Дома вода кончилась, — ответил мальчишка, после чего вдруг сообразил что-то и уставился

на него круглыми от удивления глазами: — Откуда ты знаешь, что меня запирали?

— Раньше я работал электриком, как раз по нашему району, — не стал пугать его Цю Чэн.

— А, понятно, — мальчик кивнул, принимая такое объяснение.

— Давай я подниму? — Ребенок был слишком мал, худенькое тельце весило от силы тридцать-сорок цзиней, а в этой пластиковой баклаге воды было как минимум фунтов пятнадцать-двадцать, разве ж он её утащит?

— Не надо, — мальчик опустил голову и даже не посмотрел на Цю Чэна.

— Ну ладно, тогда давай сам потихоньку. — Цю Чэн не хотел терять время — водовозка внизу могла уехать в любой момент.

Цю Чэн быстро сбежал вниз и успел набрать еще одну ношу воды до того, как цистерна тронулась с места. Когда он, тяжело ступая с коромыслом, добрался до третьего этажа, то увидел, что тот мальчишка по-прежнему сидит на корточках рядом со своей флягой. Заметив, что он возвращается с водой, глаза ребенка вспыхнули, но в итоге он так ничего и не произнес, лишь молча провожал взглядом Цю Чэна, который шаг за шагом поднимался всё выше, миновал третий этаж и двинулся дальше, к четвертому.

— Помочь тебе дотащить? — Цю Чэн остановился перед первой ступенькой и снова обернулся к нему.

— Помоги! — на этот раз мальчик закивал без малейших колебаний.

— Ну ладно, только до лестничной площадки донесу, — не удержавшись от улыбки, Цю Чэн подошел, подхватил пластиковую баклагу и легкой походкой зашагал вверх.

— До площадки хватит, — радостно последовал за ним мальчишка.

— Смотри, в следующий раз не проси о помощи первого встречного, — предостерег он, опасаясь, что сейчас ребенок отделался легко, а в будущем потеряет бдительность.

— Я знаю, — послушно отозвался мальчик.

— Я живу в квартире 1406, если что-то понадобится, можешь зайти, — подумав, добавил Цю Чэн. — Хотя лучше без нужды не приходи.

— Подумаешь, больно надо! — глаза мальчика сначала блеснули, но стоило ему услышать конец фразы, как лицо мгновенно скривилось от недовольства.

Они вместе дошли до площадки девятого этажа, Цю Чэн поставил флягу на пол, а малолетний сосед с недовольным видом пробормотал спасибо, дядя, после чего поволок свою ношу дальше.

Цю Чэн улыбнулся, донес воду до квартиры и, разлив её по емкостям, поднялся на пятнадцатый этаж, чтобы убрать в комнате, где содержались горные козы. Три эти овцы утились в небольшой комнатке квартиры 1501. Сама квартира была без ремонта, в виде голых бетонных стен: кроме входной двери, никаких межкомнатных дверей и окон там не имелось. Чтобы животные не разгуливали по всей площади, Цю Чэн перегородил вход в комнату старым диваном спинкой внутрь.

Перешагнув через спинку дивана, Цю Чэн с веником в руках сгреб овечий помет и остатки

травы в одну кучу и ссыпал в совковый лоток — позже всё это пойдет на удобрения и перегной. На сегодняшний день эти три козы были главными поставщиками ценного сырья в их хозяйстве, поскольку боевая эффективность полевых мышей всё же оставалась ограниченной.

Маленькая комната выходила окнами на юг, освещение здесь было отличным, и каждый день во второй половине дня сюда заглядывало солнце. Козам жилось вполне комфортно, а благодаря тому, что помещение находилось в зоне действия Массива Сбора Духов, насыщенная духовная энергия создавала приятную атмосферу. Животные чувствовали себя прекрасно, пребывали в хорошем расположении духа, отлично ели и спали, отличались богатырским здоровьем и стремительно набирали вес.

А Чан, выспавшись и пообедав, переложила на Цю Чэна обязанности по высиживанию яиц, вооружилась инструментами и отправилась на охоту за воробьями.

Сам Цю Чэн потратил немало времени на сбор гусениц. С потеплением вредителей стало больше, но поскольку грядок у них было немного, насекомые не успевали расплодиться в угрожающих масштабах, и хватало профилактических осмотров раз в несколько дней.

— Динь-дон! Динь-дон! — в этот момент раздался дверной звонок.

Вернувшись с террасы, Цю Чэн на ходу задернул занавеску. Он никак не ожидал никого увидеть, кроме Шэнь Сина или владельцев верхних квартир, но, заглянув в глазок, с удивлением обнаружил на лестничной площадке незнакомую женщину.

— Вы к кому? — Цю Чэн приоткрыл дверь лишь на узкую щелку. В нынешние времена все поступали именно так: если за дверью оказывался незнакомец, мало кто отваживался распахнуть её настежь, так что его поведение выглядело вполне естественным.

— Я из девяносто второй квартиры, большое спасибо вам за сегодня, сын сказал, что вы помогли ему с водой, — женщина окинула Цю Чэна цепким, но незаметным взглядом и улыбнулась.

— Попутно было, не стоит благодарности, — сухо ответил Цю Чэн. В его доме не только работал Массив Сбора Духов, но и жила обладательница столь туманного происхождения, как А Чан, поэтому ему хотелось держаться подальше от соседских связей.

— Я сегодня набрала за городом немного дикой горчицы, угощайтесь, ничего особенного, — с этими словами женщина протянула ему пучок зелени.

— Спасибо.